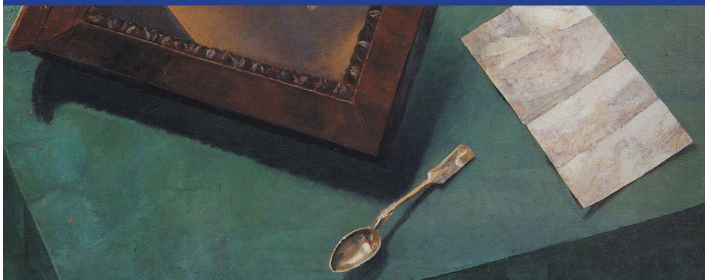

Анатолий Рыбаков

Каникулы Кроша

ФТМ

Анатолий Наумович Рыбаков
Каникулы Кроша
Серия «Приключения Кроша», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129976
Каникулы Кроша: ФТМ; Москва; 2019
ISBN 978-5-4467-0057-8*

Аннотация

Герои Анатолия Рыбакова хорошо знакомы уже нескольким поколениям детей, любителей веселых и опасных приключений. Любознательный и честный Крош увлекается расследованием загадочных происшествий. Его волнует не только то, что произошло рядом с ним, но и то, что случилось за много лет до его рождения. В повести «Каникулы Кроша» он сталкивается с тайной исчезновения коллекции старинных японских миниатюрных скульптур и восстанавливает честное имя оболганного коллекционера.

Содержание

1	5
2	10
3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Анатолий Рыбаков

Каникулы кроша

© Текст. А. Н. Рыбаков, наследники, 2019

© Агентство ФТМ, Лтд., 2019

* * *

Мальчик пристально взглядывается в даль. Что видят его глаза? Таинственные образы проносятся в детских мечтах, подобно песням птиц. Но что мы сделали для того, чтобы королевство фантазии стало рядом с нами навсегда?

Нэцкэ «Мальчик с книгой»

1

Я опишу события, происшедшие в нашем доме. События, происшедшие вне нашего дома, я тоже опишу.

Писать я буду от первого лица. Так это называется в литературе. Вместо «он» говорить «я». Не «он пошел», а «я пошел», не «ему надавали по шее», а «мне надавали по шее».

Мою книгу отредактируют – пусть, мол, читатель думает, что ее написал настоящий писатель. Если этого не делать, то одни книги будут читать, а другие – нет. А если отредактировано, то читают всех подряд и никому не обидно.

В моей книге будет несколько героев.

Все они живут в нашем доме. Я хорошо знаю жильцов нашего дома – в нем прошла моя сознательная жизнь. С десяти лет. Теперь мне шестнадцать. Только Костя живет на другой улице. Немного таинственный тип. Пройдет по двору со своим чемоданчиком, и все. А в чемодане боксерские перчатки. Костя – боксер, черненький, худенький паренек.

Я познакомился с Костей, когда Веэн и Игорь были как раз во дворе. И я тоже был как раз во дворе. Смотрел, как Веэн обтирает свою «Волгу». Игорь ощупывал свой подбородок и тоже смотрел, как Веэн обтирает машину. Перед этим Игорь получил в подбородок и теперь, заботясь о своей внешности, его ощупывал. За что и от кого получил, я расскажу потом.

Веэн показал на запасное колесо:

– Подыдем?!

Игорь был занят подбородком. Я помог поднять колесо и затянул гайку на держателе.

– Почему тебя зовут Крош? – спросил Веэн.

Мне опять, в который раз, пришлось объяснить, что меня зовут Сергеем, а Крош – это прозвище, сокращенное от моей фамилии Крашенинников. В школе всегда сокращают фамилии, тем более такую длинную, как моя. Вот и получилось «Крош».

Объясняя это Веэну, я подумал, что он, наверно, не читал повести «Приключения Кроша» – там об этом подробно рассказано.

Тут появился Костя, и мы познакомились.

– Прокатимся? – спросил меня Веэн.

– С удовольствием.

– Где Нора? – спросил Веэн.

– Вот она идет, – ответил Игорь, массируя подбородок.

Нора в черных ажурных чулках. На эти черные чулки мне противно смотреть. И голос у нее хриплый от курения.

Игорь кивнул на меня:

– Крош тоже поедет.

– Тебе жалко? – спросил я.

– Разве я что-нибудь сказал? Нора, я что-нибудь сказал?

Нора пожала плечами.

Нора и Игорь ушли из десятого класса будто бы для того, чтобы заработать производственный стаж. На самом де-

ле им лень учиться. Нора расхаживает в черных чулках, а Игорь околачивается на «Мосфильме», снимается в массовках, только ему это за производственный стаж все равно не зачтут.

Мы мчались по Садовому кольцу. Из троллейбусов на нас смотрели пассажиры. Веэн похож на молодого профессора: виски с проседью, белая рубашка с закатанными рукавами, узкие брюки, черные туфли. Нора сидела рядом с ним как герцогиня. У Кости бесстрастное лицо боксера, который не жмурится, когда его лупят по морде. Игорь трепался, будто брат собирается подарить ему своего «Москвича». Я просто ехал.

Веэн искусствовед. Я терпеть не могу искусствоведов, они мешают слушать музыку, прерывают ее на самом интересном месте. И когда по радио человек чего-то там бормочет невнятным голосом, то невозможно ни читать, ни заниматься... «Фредерик вошел в гостиную и сказал... Лаура печально покачала головой... Ах, Фредерик...» Муть! Но Веэн искусствовед по изобразительному искусству, а это совсем другое дело: искусствоведы по изо не мешают слушать музыку. Кроме того, Веэн коллекционер, собирает предметы искусства. И хотя я с ним встречался только во дворе, он мне не казался яркой личностью. Игорь и Костя выполняли какие-то его поручения и напускали такую таинственность, что меня распирало от любопытства. Это была та сторона жизни, которую я еще не знал. Другие стороны жизни я знал хоро-

шо, а эту еще слабо и хотел познакомиться.

Мы свернули с Садового кольца и остановились в перелуке возле улицы Горького. Веэн обернулся и посмотрел на Костю и Игоря. Те, не говоря ни слова, вышли из машины. А мне Веэн улыбнулся. По его улыбка означала, что я должен остаться. Я остался.

Мы сидели молча: я, Веэн и Нора. Потом Веэн и Нора перебросились несколькими фразами. Поскольку они говорили тихо, я не стал прислушиваться.

В девятом классе за Норой ухаживал артист эстрады, скандал был на всю школу. Норина бабушка, заслуженная общественница, вызвала к себе бюро комсомольской организации; я был тогда членом бюро. Сначала мы не хотели идти, но потом пошли, приняв во внимание возраст бабушки и ее заслуги перед общественностью. Мы стояли перед бабушкой, как провинившиеся школьники. Нора сидела на диване, курила сигарету и стряхивала пепел в горшок с цветами. «Если кто сбивается с пути, – говорила бабушка, – то виноват коллектив – недосмотрели». Когда бабушка была молодая, было по-другому... А у нас слаба воспитательная работа, и мы недосмотрели за Норой.

Бабушка сказала, что родители Норы занятые люди, заслуженные артисты, и она, бабушка, тоже занятой человек – пишет мемуары о Станиславском и других выдающихся личностях. Мемуары эти имеют громадное значение для воспитания подрастающего поколения. И, не воспитывая Нору, мы

мешаем ей воспитывать подрастающее поколение. Вот какой бенц старушка нам выдала!

Но еще больший бенц она выдала директору эстрады. Такой она ему выдала бенц, что бедного артиста эстрады уладили на длительные гастроли в Ферганскую область.

Такая петрушка произошла с Норой этой зимой.

Вернулись Игорь и Костя. Ни слова не говоря, сели в машину. Везн включил мотор. Снова по Садовому кольцу мы помчались обратно, домой.

Во дворе Везн сказал:

– Зайдем к нам.

Портреты, портреты, портреты... Вельможи в кафтанах с кружевными жабо и кружевными манжетами, царские генералы в раззолоченных мундирах, дамы с высокими прическами, тетки в салопях и чепчиках, купцы в шубах, похожие на великого драматурга Островского, девочки с бантиками, мальчики в бархатных костюмчиках...

Тесно стояли шкафы, буфеты, конторки, секретеры, диваны, козетки, ломберные столики. На потолке люстры. Все это, как объяснил Веэн, старинное и ценное. На двух креслах даже натянуты веревочки, как это делается в музеях, чтобы на кресла не садились. Меня удивило, что Нора, Игорь и Костя уселись на таком ценном диване. Нора даже взобралась с ногами. Я думал, что этой мебелью пользоваться нельзя. Оказывается, можно. Нельзя сидеть только в креслах, перевязанных веревочкой, – они сломанные.

Нора курила. Игорь перебирал магнитофонные ленты, Костя перелистывал книгу. Здорово устроились, ничего не скажешь.

В застекленном шкафу стояли на полках крохотные фигурки из дерева, камня, фарфора. Это *нэцкэ*, японская миниатюрная скульптура, я видел их в Музее восточных культур.

– В моей коллекции есть уникальные экземпляры.

Сказав это, Веэн снял с полки несколько фигурок и поставил на стол. Они изображали крестьян, монахов, всадников, детей, маски, цветы, птиц, зверей, рыб.

Я бездарен в живописи. Нравится, не нравится – вот все, что я могу сказать. Но почему нравится или не нравится – сказать не могу. В натюрмортах, пейзажах, во всяких абстракциях я не разбираюсь совершенно. Мне нравятся картины, где изображены люди. Моя любимая картина в Третьяковке – это «Крестный ход» Репина. Помните мальчика с костылем? Сколько радости и надежды на его лице, как он весь устремлен вперед! Сейчас произойдет чудо, он выпрямит спину, бросит костыль и будет такой, как все... Вот это мне нравится! А как положены краски и как распределен свет – в этом я не разбираюсь.

Веэн взял в руки фигурку старика с высоким пучком волос на голове и длинной редкой бородой. Одной рукой старик придерживал полы халата, в другой сжимал свиток. Фигурка была величиной всего с мундштук, и все равно было ясно, что этот старик – мудрец. Что-то вечное было в его лице, в длинных морщинах, в худом, истощенном теле. Его высокий лоб, скошенные монгольские глаза выражали спокойную и мудрую проницательность. Много нужно затратить труда, чтобы вырезать из дерева такую крохотную и выразительную фигурку.

– Мудрец? – спросил я.

– Мудрец, – ответил Веэн, любуясь фигуркой. – Работа

великого мастера Мивы-первого из города Эдо, восемнадцатый век, вишневое дерево. Для профана она ничто, но знаток ее оценит.

Мне стало немного не по себе – в сущности, я тоже профан.

– Искусство принадлежит тому, кто его любит, понимает и отстаивает, – продолжал Веэн. – Человек, сохранивший для нас «Слово о полку Игореве», сделал не меньше того, кто это «Слово» написал. Шлиман, открывший Микены, превосходит его создателей – они строили город, подчиняясь необходимости, он открыл его, ведомый любовью к искусству. Что было бы с русской живописью без братьев Третьяковых?

В ответ я напомнил слова Пушкина:

– Чувства добрые я лирой пробуждал» – вот что главное.

– Что я говорила?! – злорадно произнесла Нора.

Эта реплика означала, что Нора предупреждала Веэна: я не подхожу для их компании. Это меня не удивило – мы с Норой терпеть не можем друг друга.

– Крош, ты баптист, – объявил Игорь.

– Но это сказал Пушкин!

– Пушкин жил сто лет назад. Каменный век.

– «Дети, в школу собирайтесь, петушок пропел давно», – сказала Нора.

– Задираемся? – неодобрительно заметил Веэн.

– Мы любим Кроша. Давай поцелуемся, Крош, – сказал Игорь.

– Не шурши! – предупредил я его.

– «Попроворней одевайтесь, смотрит солнышко в окно», – продолжала Нора – «В лесу раздавался топор дровосека...»

– Дружба не терпит подобных шуток, – сказал Веэн, – а без дружбы нет человека. Одиночку сокрушают, в коллективе человек нивелируется. Тройки, четверки, пятерки – вот кто покоряет мир.

– Три мушкетера... – сказал я.

– Ремарк! – сказал Веэн. – Но герои Дюма покоряли мир, герои Ремарка обороняются от него.

– «Три танкиста, три веселых друга», – громко пропел Игорь.

– «Чувства добрые...» – снова заговорил Веэн. – Самое доброе чувство – дружба. Есть только одна убежденность – в своем товарище, только одна вера – в прекрасные творения человека. Все проходит – идеи, взгляды, убеждения, а эта фигурка будет жить вечно. Ее держали в руках цари и полководцы, писатели и философы. Если бы время не стирало отпечатков пальцев, можно было бы по ней создать дактилоскопический альбом многих великих людей. Научись мы создавать скульптурные портреты людей по отпечаткам пальцев, они были бы точнее, чем создаваемые по черепу.

Черт возьми, может быть, эту фигурку держали в руках Наполеон или Бальзак, какой-нибудь микадо или братья Гонкур! Замечательная идея! Странно, что Веэн так буднично ее высказал, Нора и Игорь спокойно сидели на диване,

Костя молча перелистывал журнал.

– Может быть, отпечатки пальцев все же остаются, – сказал я, – совсем крошечные, незаметные, но с помощью сверхмощного электронного микроскопа их со временем удастся обнаружить.

– Возможно, – согласился Веэн. – Но и без того старинная вещь рассказывает о многом. Собирать произведения искусства поучительно. Каждая фигурка – эпопея, ее розыски – тоже эпопея. Собрание – это гигантский труд и медные деньги. Впрочем, – Веэн как-то особенно посмотрел на меня, – мы живем в век новой алхимии, и медь иногда превращается в золото.

Я не совсем понял, что он хотел этим сказать.

– Собирательство – это соревнование, – продолжал Веэн. – Мы, собиратели, хорошо знаем друг друга и свои поиски держим в секрете.

На этот раз я понял, что он хотел сказать.

– Я не трепач.

– Я нуждаюсь в помощниках. Вот Костя помогает и Игорь. Хочешь, и ты будешь помогать?

– С удовольствием.

– Мир искусства обогатит тебя духовно, поможет стать культурным человеком. Ты хочешь стать культурным человеком?

– Хочу.

– На одну удачу приходится двадцать неудач. Но на мел-

кие расходы ты всегда заработаешь.

Наверно, я здорово покраснел. Получать деньги за помощь, за услугу!.. Но, с другой стороны, надоело обращаться к маме за каждым гривенником. И мне необходим магнитофон.

– У тебя не должно быть секретов от твоих родителей, – продолжал Веэн, – но и не обязательно им все рассказывать. Каждый имеет право на личную жизнь.

Логично. Ведь я не все рассказываю своим родителям, как и они мне, – каждый имеет право на личную жизнь.

– Мои родители не вмешиваются в мою личную жизнь, – сказал я.

3

Для меня дружба – дело естественное, я никогда не думал о тройках и пятерках. Конечно, большая компания чересчур громоздка – один хочет туда, другой сюда. Но вопрос в том, для чего тройки и пятерки? А в коллективе человек вовсе не нивелируется, коллектив – это моральная категория. Так надо было ответить: коллектив – моральная категория. Но, как всегда, умная мысль пришла мне в голову, когда спор уже был окончен.

Но я понимал также, что по этим словам нельзя судить о Веэне. Судить о человеке надо по всем его мыслям, во всяком случае, по главным мыслям. А главное в Веэне – это любовь к искусству. И, как всякий увлеченный человек, он несколько односторонен, считает, что предмет его увлечения – это главное.

К Норе тоже надо быть терпимее – женщина все-таки.

Что касается Игоря, то он трепло. Пушкин – каменный век, сказал тоже! У меня сердце щемит, когда я читаю Пушкина, слово даю! «Прими собрание пестрых глав, полусмешных, полупечальных, простонародных, идеальных... незрелых и увядших лет, ума холодных наблюдений и сердца горестных замет...» Кто еще мог так сказать? Только Пушкин!.. «Как часто в горестной разлуке, в моей блуждающей судьбе, Москва, я думал о тебе...» А?! «Блуждающей судь-

бе»...

Но Игорь не лишен чувства юмора, а чувство юмора – это главное, без юмора нет человека. После Пушкина самые мои любимые книги – это «Мертвые души», «Бравый солдат Швейк» и «Золотой теленок». Их я могу перечитывать и перечитывать. Чехова я тоже могу перечитывать и перечитывать – обхохочешься, честное слово! Но у Чехова рассказы, а я говорю о романах. Как-то мы играли в игру: какие десять романов вы взяли бы с собой на необитаемый остров? Я назвал «Войну и мир», «Мертвые души», «Красное и черное», «Бравого солдата Швейка», «Тихий Дон», «Золотого теленка», «Трех мушкетеров», «Утраченные иллюзии», «Боги жаждут» и «Кожаный чулок». Я бы еще назвал, но можно было только десять. А вот если бы меня спросили, чье собрание сочинений взял бы я с собой на необитаемый остров, я бы ответил – Пушкина! Собрание сочинений Александра Сергеевича Пушкина я бы взял с собой на необитаемый остров.

Больше всех понравился мне в этой компании Костя. За весь день он не проронил ни слова ни во дворе, ни в машине, ни на квартире у Веэна, а вот понравился больше всех. Чудесный парень, боксер, а не задается, не пользуется своей силой. Мне нравятся такие молчаливые ребята.

Есть люди, у которых все на виду, с ними просто и ясно. Но есть и другие – загадочные, они всегда занимают мое воображение. Бывает, что человек с виду загадочен, а при бли-

жайшем рассмотрении оказывается дурак дураком. Но в данном случае этого не было. Было в Косте что-то таинственное, даже трагическое. Я чувствовал это, когда он проходил по двору с чемоданчиком в руке. И то, что он все время молчал, только укрепило это чувство.

Когда на следующий день мы с Костей отправились выполнять поручение Веэна, мне было приятно идти с ним по улице, сидеть рядом в вагоне метро. Все думают, что он обыкновенный худенький паренек, а он, боксер-перворазрядник, может так двинуть, что от человека останется одно воспоминание. В дверях вагона стояли какие-то нахалы, мешали входу-выходу, один даже задел Костю плечом. Я думал, Костя сейчас их раскидает, но он ничего, спокойно прошел мимо. Меня поразила его выдержка. Впрочем, в дверях могли стоять тоже боксеры-перворазрядники, а то и мастера спорта.

– В учебнике древней истории, – сказал я, – нарисованы всякие амфоры и вазы. Не думал, что мне придется этим заниматься.

Костя ничего не ответил. Сидел, несколько развалясь (привык в такой позе отдыхать между раундами), с бесстрастным выражением на медальном лице.

– Интересная мысль – создавать живой портрет по отпечаткам пальцев, – продолжал я. – У тебя нет книг по дактилоскопии?

– Долго?

– Что долго?

– Трепать языком будешь долго?

Мрачный тип! Не слишком большое удовольствие иметь с ним дело. Нет, уж пусть Веэн дает мне самостоятельные поручения. Сегодняшнее поручение выполню с Костей, а следующее – только самостоятельно.

Мы вышли из метро на Арбатской площади и пошли по Гоголевскому бульвару. Костя молчал, только изредка говорил: «Туда, сюда, сюда, туда».

Я остановился.

– Ты эти «туда-сюда» брось! Куда мы идем?

– На Сивцев Вражек, – процедил он сквозь зубы.

На Сивцевом Вражке он показал мне серый дом.

– Подымешься на третий этаж, квартира восемь, два звонка, Елена Сергеевна. Скажешь: от Владимира Николаевича. Передашь ей этот пакет, она тебе даст другой. Повтори.

– Повторение – мать учения, а кто отец?

Довольный тем, что поставил его в тупик, я положил пакет в карман и вошел в подъезд. Пакет был совсем крошечный, казалось, в нем лежит катушка с нитками. Но я знал, что там нэцкэ.

Женщина с крашеными волосами и папиросой в зубах провела меня в комнату, плотно закрыла дверь, повернулась ко мне спиной, посмотрела, что в пакете, спрятала его в шкаф и передала мне другой пакет, тоже с нэцкэ. Потом проводила меня до двери и посмотрела, нет ли кого на лест-

нице. Все это, не вынимая папиросы изо рта.

– Теперь куда? – спросил я Костю, очутившись на улице.

– На Плющиху.

На Плющихе дверь мне открыл толстый молодой человек в очках. Челюсти его так и ходили взад-вперед. Я подумал, что он жует резинку, но он сделал глотательное движение, рыгнул, и я понял, что это не жевательная резинка. В комнату он со мной не заходил, взял пакет и захлопнул за мной дверь. И лестницу не осматривал: видно, не боялся конкурентов.

Я вернулся к Косте. Он сказал:

– Сейчас поедem в один дом. Разговаривать буду я, а ты слушай.

Я хотел ответить, что у меня нет охоты разговаривать ни с ним, ни с кем бы то ни было. Но ничего не сказал.

На Комсомольском проспекте нас встретил Игорь. Скопил глаза на Костю и сказал: «Все в порядке». Я не спросил, что именно в порядке, решил вообще ни о чем не спрашивать. Видно было, что Костя и Игорь не склонны разговаривать. Вообще-то Игорь болтун. Но сейчас они не были склонны разговаривать.

Игорь остался на улице. Мы с Костей вошли в большой двор нового дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.